

ТВОРЧЕСТВО КАК СОБЫТИЕ СМЫСЛА В УСЛОВИЯХ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОСНОВНОСТИ (ПО РАБОТАМ Б.Е. КОЛУМБАЕВА)

Колычев Н.В.

магистрант кафедры философии и теории культуры

e-mail: nic.kolychev112@gmail.com

Сейфуллина Г.Р.

к.ф.с.н., ассоциированный профессор, Карагандинский национальный исследовательский университет им. Е. А. Букедова, Караганда, Казахстан

Диагноз «конца познания» и онтологическая безосновность

Философское завещание Б.Е. Колумбаева, оставленное нам в его фундаментальном труде «К творчеству...!? Очерки творчества во вселенском предназначении человека», адресовано не тем современникам, для которых творческий акт низведен до производства продукта, а тем, «кто возможно представляет творчество сродни с отдачей души» [1, с. 3]. Свое размышление мыслитель начинает с радикального и бескомпромиссного диагноза современности: эпоха классической рациональности и традиционного освоения мира подошла к своему пределу. Философ констатирует: «Познание закончилось – в тревогах души» [1, с. 62].

Традиционное познание, исчерпав свои смыслообразующие возможности в тотальной специализации и научно-техническом прогрессе, свернулось в плотную информационную сеть. Согласно Колумбаеву, исторический отказ от изначальной человеческой мудрости в пользу абстрактного знания логически завершился переходом к бездушной информации. В этом новом оцифрованном мире время словно остановилось или свернулось в пространство, а человек оказался в «информационном плену», где «познавать больше нечего, приходится лишь быть, т.е. существовать». Мир, тотально освоенный и расколдованный наукой, превратился в «информационное установление» [1, с. 140], где человек, опустошенный в своем внутреннем содержании, достигает предела самоотчуждения.

В терминах современной философской онтологии это состояние глобальной современности можно определить, как онтологическую безосновность, или хаос. Колумбаев описывает эту безосновность через близкие по духу категории «бездны» (ungrund Я. Бёме) и «ничто» [2]. Информационная среда, при всей ее видимой плотности и избыточности, на деле скрывает под собой зияющую смысловую дыру — «междусубъектную бездну, подпочвенное ничто в культуре» [1, с. 171]. В этом контексте информационная сеть предстает не как достижение, а как тотальный «постав» (Gestell), о котором предупреждал М. Хайдеггер, сводящий человека к простой исчисляемой функции [3]. Информационная среда, при всей ее видимой плотности и избыточности, на деле скрывает под собой зияющую смысловую дыру. Как отмечает мыслитель, «ничто» обнаруживается не под землей, а именно в социальных связях, в «междусубъектной бездне, подпочвенном ничто в культуре». Это состояние, где прежний «порядок вещей» не дает опоры, где «ни дна ему, ни покрывки». В условиях этой безосновности современный человек редуцируется до точечного индивида. Он превращается в «бесполое», омассовленное существо, погруженное в круговерть будничных повторов и рутины. Индивиды проходят друг друга насквозь в «равнодушии обособленных и так называемых «душ» в их непреодолимой и неумолимой ничтошной точечности». В этом информационном «междумирьи» человек теряет связь с вечностью, а его жизнь сводится к «пресуществлению» и простому телесному присутствию.

Однако именно в этой точке предельного отчаяния и смыслового тупика, когда «творчество действительно кончилось как классический феномен» [1, с. 3], возникает острая, экзистенциальная необходимость в поиске новых онтологических опор. Колумбаев формулирует это как категорический императив: «Творчества нет, творчество должно быть» [1, с. 3]. Если познание мира привело человека к столкновению с «ничто», то именно из этого «ничто» должен быть совершен радикальный прорыв. Ситуация онтологической неопределенности требует от человека не просто адаптации к информационной среде, а подлинного события смысла — акта, способного преодолеть энтропию и восстановить разорванную связь души с вселенским бытием.

Творчество как событие смысла: от объективации к экзистенциальному «со-бытию»

Диагностируя «конец познания» [1, с. 336], Б.Е. Колумбаев тем самым проблематизирует и классическое понимание творчества. Если в классической западной парадигме хаос традиционно мыслился как нечто подлежащее упорядочиванию, а форма выступала гарантией смысла и

целесообразности, то в условиях информационной пресыщенности этот механизм дает сбой. Познание, стремившееся овладеть миром и устранить хаос неопределенности, само породило тотальную пустоту — ситуацию, в которой формально упорядоченная информация скрывает за собой сущностное зияние.

В ответ на этот вызов Колумбаев осуществляет принципиальный философский сдвиг: он отказывается от трактовки творчества как эстетического «производства» (создания культурных артефактов) и переводит его в статус фундаментальной онтологической стратегии. Мыслитель подчеркивает, что в современную эпоху «творчество действительно кончилось как классический феномен» [1, с. 3]. Оно более не может пониматься как надстройка над реальностью или как вторичный акт украшения мира; оно становится самым структурным механизмом смыслообразования, единственным способом утверждения человека в бытии.

В логике нашего исследования этот сдвиг позволяет определить творчество у Колумбаева как специфическое событие смысла. В мире, лишенном предустановленных метафизических опор и трансцендентных гарантий, смысл не обнаруживается познающим субъектом в готовом виде и не «навязывается» реальности извне. Смысл возникает в точке со-настроенности, как событие встречи человека и ускользающего времени. Колумбаев описывает эту встречу через категорию «сверхчувственности». Для него истинное творчество начинается там, где исчерпывается аналитическая способность разума: «Настоящее творчество сверхчувственно» [1, с. 263]. Это не означает ухода в иррациональную мистику, но фиксирует такое состояние, при котором человек преодолевает свою изолированную точечность (субъектность) и выходит в «вертикаль бытия» [1, с. 140]. Подобно неклассическим эстетическим стратегиям, где смысл формируется через чуткое присутствие и со-бытие с изменчивостью, колумбаевское творчество есть акт, в котором «душа соприкасается с вечностью во времени поэтически» [1, с. 542].

Таким образом, механизм смыслотворчества в условиях онтологической безосновности (ничто) строится на радикальном риске. Если познание опирается на гарантии метода и стремится к безопасности результата, то творчество требует «отдачи души» [1, с. 3]. Это экзистенциальное самопожертвование, в котором субъект отказывается от своего эгоцентрического стремления «овладеть» миром ради того, чтобы позволить истине бытия осуществиться через него. Как отмечает философ, «в творчестве человек из вечности через бесконечность переступает» [1, с. 286], превращая изначальный хаос и случайность своего заброшенного существования в необходимость подлинной свободы. Хаос становится условием рождения нового смысла. Не в порядке произвольности, а в порядке глубинной потенциальности. Творчество не ликвидирует хаотическое, но вступает с ним в диалог, позволяя из бездны неопределенности проступить необходимости. Это и есть та точка, где случайность заброшенности оборачивается свободой. Так человек, не имеющий внешних гарантий, обретает внутреннюю обязанность творить. В этом акте смыслотворчества эстетика неотделима от этики: творчество перестает быть лишь производством красоты как формы, оно становится актом ответственности за само существование человеческого в мире.

От эстетики к онтологии: рождение Человека и фигура Космополита

Понимание творчества как события смысла неизбежно приводит Б.Е. Колумбаева к радикальному пересмотру цели творческого акта. В условиях онтологической безосновности (глобального информационного «ничто») творчество более не может оправдываться исключительно производством эстетических ценностей. Философ осуществляет программный сдвиг, формулируемый им как переход «от эстетики творчества – к этике творения» [1, с. 163]. Если смысл не предзадан и не гарантирован извне, то главным итогом смыслотворчества становится не артефакт, а сам субъект этого процесса. Истинная цель творчества — это онтологическое рождение человека.

Колумбаев утверждает этот тезис предельно жестко: «Творчество (с информацией) кончается, чтобы родиться человеком в освобождении от человечества вселенским существом» [1, с. 4]. В мире тотальной информационной коммуникации, которую в контексте фундаментальной онтологии можно сравнить с наступающим техническим «поставом» (Gestell), о котором предупреждал М. Хайдеггер [3], человек редуцирован до функции, до состояния, которое мыслитель характеризует как амнезию и «телесное ничто» [1, с. 319]. В этой связи творчество мыслится как единственная возможность антроподицеи — оправдания человека. Человеку необходимо «родиться в том, что он еще не есть» [1, с. 3], преодолев свою обособленность и точечность.

Возникает принципиальный вопрос: кто способен выдержать это смещение и стать носителем такой ответственности? Если творчество есть не производство формы, а рождение человека в горизонте безосновности, то необходим субъект, чья идентичность уже не замыкается в пределах эмпирического «я» и не сводится к социально-функциональной роли. Именно эта логика внутреннего радикализма (перехода от артефакта к антропогенезу) и подготавливает введение особой философской фигуры, обозначающей возможность такого онтологического становления.

Для обозначения субъекта, способного на такое событие смысла, мыслитель вводит специфическую философскую фигуру — Космополита. В оптике Колумбаева это понятие полностью очищено от привычных политических или социологических коннотаций. В отличие от ницшеанского сверхчеловека, утверждающего свою творческую волю через активное, героическое противостояние хаосу становления [4], Космополит Колумбаева не строится на волевом принципе героического самоутверждения, характерном для ницшеанского проекта [4]. Это онтологический статус. Это личность, способная выдержать напряжение между уникальным (своей конечной заброшенностью) и универсальным (вселенским бытием), реализуя принцип «свободной индивидуальности в идеальной тотальности» [1, с. 60].

Здесь обнаруживается глубокое концептуальное родство с неклассическими стратегиями смыслообразования. Подобно тому, как в японской эстетике категория *kokoro* (сердце/душа) не мыслится как замкнутое внутреннее пространство наблюдателя, противопоставленное объекту, а изначально включена в поток становления и со-настроена с миром [5], так и субъект творчества у Колумбаева лишен жесткой картезианской автономии. Он рождается лишь в акте преодоления своей эгоцентричной замкнутости, в момент, когда «души сообщаются друг с другом из вечности» [1, с. 148].

Космополит не бежит от хаоса повседневности и не укрывается в иллюзиях чистого искусства. Напротив, он выступает тем медиумом, через которого совершается претворение вселенского смысла в земной реальности. Колумбаев возлагает на эту фигуру предельную экзистенциальную ответственность: именно космополит, «возлагая на себя ответственность перед небесами за человечество» [1, с. 12], призван преобразовывать окружающий хаос в пространство подлинной свободы. Творчество такого субъекта всегда связано с жертвенностью, поскольку оно требует от него принять на себя «зло мира... в его спасение» [1, с. 462].

Таким образом, в условиях утраты фундаментальных смысловых опор творчество предстает не как эскапизм, а как единственно возможная форма этического стояния в бытии. Как отмечает мыслитель, поэзия творчества должна стать самой прозой жизни, оборачиваясь «творением добра в пространстве» [1, с. 12]. Человек через творческое усилие рождается заново не для того, чтобы умножать информационные сущности, а для того, чтобы стать «домом бытия» [1, с. 12], способным удерживать смысл на краю онтологической пропасти.

От фиксации пустоты к сотворению времени

Подводя итог, можно утверждать, что философское наследие Б.Е. Колумбаева, кристаллизованное в его размышлениях «К творчеству...!», представляет собой глубокий экзистенциальный ответ на вызовы современной эпохи. Зафиксировав ситуацию тотального «информационного установления» [1, с. 140], в котором человек рискует окончательно потерять свою сущность, растворившись в телесной точечности и смысловой пустоте (ничто), мыслитель не останавливается на пессимистической констатации конца. Напротив, из этой самой точки абсолютной онтологической безосновности он выводит императив творческого преображения.

В контексте проблематики смыслотворчества в условиях хаоса, философия Колумбаева убедительно показывает: когда старые метафизические опоры и механизмы познания рушатся, смысл не может быть найден в готовом виде. Как и в неклассических эстетических стратегиях (где смысл возникает в со-причастности и резонансе с изменчивостью, а не через волевое конструирование формы), колумбаевское творчество есть событие, «со-бытие» души и вселенной. Это не создание вещей на продажу или напоказ, а тяжелый, жертвенный труд «отдачи души» [1, с. 3], в котором только и может состояться подлинная встреча человека с его вселенским предназначением.

Для Колумбаева эстетика неразрывно связана с этикой и онтологией. Творчество — это не просто украшение реальности, а само бытие воистину, способ выживания человеческого в человеке. Фигура Космополита, возникающая в его текстах, — это зримый образ субъекта, который берет на себя ответственность за мир, превращая безосновность в пространство для свободы.

Ключевой призыв мыслителя: «Не отмечать, а творить время!» — звучит сегодня как никогда актуально [1, с. 163]. В условиях, когда время словно свернулось в плотную информационную сеть, а хаос предстает не как потенциальность, а как разрушительная энтропия, творчество остается единственным спасительным якорем. Оно позволяет человеку не просто длиться в хронологическом существовании, но через акт сверхчувственного преодоления самого себя рождаться заново. Именно в этом непрерывном рождении, в этом событии смысла, добываемом на краю онтологической пропасти, человек оправдывает свое присутствие в мире и утверждает жизнь вопреки небытию.

Осмысление творчества как события смысла в условиях онтологической безосновности позволяет увидеть в философии Б.Е. Колумбаева не только диагноз эпохи, но и метод внутреннего сопротивления хаосу — путь, на котором человек способен превратить зияние ничто в пространство созидательной красоты.

Список литературы

1. Колумбаев Б. Е. К творчеству...!? Очерки творчества во вселенском предназначении человека: Монография / Под науч. ред. Б. И. Карипбаева. – Караганда: Изд-во «Карагандинский университет Букетова», 2022. – 631 с.
2. Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. А. Трофимова. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. с нем. Г. А. Рачинского. – М.: Ad Marginem, 2001. – 219 с.
5. Скворцова Е. Л. Японская эстетика XX века. Антология. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 592 с.

ӘОЖ 373.21

МЕКТЕП ЖАСЫНА ДЕЙІНГІ БАЛАЛАРДЫҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИЕТІН ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ STEAM ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Құлмағанбет Ә.

Абай атындағы ҚазҰПУ докторанты, Алматы қ., Қазақстан

e-mail: asemkulmaganbetova@mail.ru

Кіріспе. Мектеп жасына дейінгі балаларда экологиялық мәдениетті қалыптастыру заманауи білім берудің басым міндеттерінің бірі болып табылады.

Климаттың өзгеруі, қоршаған ортаның ластануы сияқты жаһандық экологиялық сын-қатерлер жағдайында табиғатқа жауапкершілікпен қарауға баулуды ерте жастан бастау маңызды. [1].

Экологиялық мәдениет әр адамның санасында қалыптасуы қажет. Көптеген адамдар экологиялық мәселелердің мәнін толық түсінбейді немесе оған немқұрайлы қарайды. Экологиялық білім мен тәрбие арқылы адам бойында табиғатқа деген сүйіспеншілік пен жауапкершілік қалыптасады.

Сондықтан да мектеп жасына дейінгі балалардың тұлғалық дамуында экологиялық мәдениетін қалыптастыру өзекті болып табылады.

Қазақстан Республикасының заңнамасына, Мемлекет басшысының және Үкіметтің тапсырмаларына, сондай-ақ Қазақстан Республикасында мектепке дейінгі, орта, техникалық және кәсіптік білім беруді дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған жаңартылған тұжырымдамасының негізгі ережелеріне, оның ішінде мектепке дейінгі тәрбие мен оқыту жүйесінде «Жасыл балабақша» желісін кеңейту-экологиялық білім беру және экологиялық мәдениетті қалыптастыру бағыты бойынша ұсынылды. [2].

«STEM-білім беру» термині салыстырмалы ғылымда пайда болды, бірақ жақында АҚШ-та 1990 жылдары пайда болды. Білім алушыларды бес пәндік саланы біріктіру негізінде оқыту идеясына негізделген (S-Science-нау қа, T-Technology-технологии, e-Engineering-инженерия, a-Art-искусство, M-Math-математика) және оларды қоршаған әлемнің нақты проблемаларына негізделген тұтас оқыту парадигмасына айналдыру.

STEAM-білім беру негізінде интегративті оқыту жаңа емес, ол туралы Дж. Якман (G. Yakman), STEAM-білім беру идеяларының пайда болуы мен дамуына серпін берген алғашқы ғалымдардың бірі Р. Декарт, ғылым әдіснамасы бойынша еңбекте барлық ғылымдар «Ақыл- ойды басқаруға арналған ережелер» деп жазды. Олар бір-бірімен байланысты, болғандықтан бәрін бір-бірінен ажыратқаннан гөрі бірден зерттеңіз. Сонымен, егер біреу шындықты зерттегісі келсе ол жеке заттарды таңдамауы керек.

Ғылым: салаларының барлығы ішінара және бір-бірімен тығыз байланысты.

Тәуелді. Ғылымдарға қатысты ойлар Бәрінен де әділі - дұрыс ойлау. Егер адамдар арасындағы пікірлер сан қилы болса, ол кейбіреулердің ақиқатты тануға өресінің жету-жетпеуінде емес, адамдардың өз ақыл-ойын жақсы басқарып, ал қайсы бірінің оны дұрыс пайдаланбауында. Декарт өзі мәнін аша алған әдіс туралы айтайын дегенін кеңінен ашып түсіндіреді [3].